

О.О. ТАТЬЯНИН

ТЕЛЕСНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В данной статье предпринята попытка осмысления того, как на процесс конструирования социального пространства оказывают непосредственное воздействие телесные практики индивидов, вступающих в совместное взаимодействие друг с другом. Также предпринято рассмотрение категории совместности как неотъемлемого и одного из фундаментальных атрибутов социальных отношений и социального пространства в частности.

Ключевые слова: совместимость, совместность, социальное пространство, практики телесности

Татьянин Олег Олегович – очный аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: souljaboy17@mail.ru

O.O. TATJANIN

CORPOREALITY IN THE STRUCTURE OF SOCIAL SPACE

In this article we make an attempt to understand how the bodily practices of individuals interacting with each other have a direct impact on the process of constructing a social space. We also have a closer look at the category of compatibility as one of the fundamental and inalienable attributes of social relations in general and social space in particular.

Keywords: compatibility, consistency, social space, bodily practices.

Oleg O. Tatjanin – postgraduate student at the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevskij. E-mail: souljaboy17@mail.ru

После Канта, определявшего пространство как некую априорную категорию, внутренне присущую структуре субъекта, вопрос о пространстве в философии долгое время оставался на этом уровне. Только в XX веке с появлением таких междисциплинарных направлений, как социальный конструкционизм и особенно постструктурализм, где немаловажным фактором конструирования социальных отношений являлось тело индивида, точнее способность тела репрезентировать некие практики вовне, начались некоторые изменения устоявшихся взглядов. По аналогии с тем, как тело стало влиять на трансформацию социальных отношений, появилась потребность пересмотра того места или того пространства, в котором эти тела и социальные отношения реализуются. И непосредственно то пространство, о котором пойдёт речь, так как оно вместе с социальными отношениями стало вовсе не априорной категорией сознания, а вполне конструированным результатом взаимодействий, будет именоваться социальным. В связи с таким поворотом в рассмотрении пространства как некоего конструкта, служащего местом реализации социальных отношений, возникает проблема определения «социального» как такового, как категории совместного бытия. Именно по-

пытка разрешения данной проблемы будет представлена в нижеследующем материале.

Социальное как категория бытия конституируется телесными взаимодействиями индивидов и местами, в которых это взаимодействие происходит. Под местами здесь подразумевается конкретное отношение между территорией и землёй, на топографической поверхности которой совершается определённая деятельность. Отсюда становится ясным наличие для существования социального нескольких неотъемлемых его атрибутов. Первым атрибутом можно назвать социальные отношения, точнее то, при помощи чего таковые становятся возможными, потому как они не даны априори, а конструируются в процессе реализации телесных практик индивидов. Имманентно присущими составными частями социальных отношений являются тела и те техники и практики, при экстернализации которых осуществляется процесс взаимодействия, и, соответственно, некое условное пространство, границы которого конституируются в процессе реализации указанных выше совместных практик. В качестве второго атрибута социального обозначаются упомянутые места. При близком рассмотрении можно предположить, что понятия «пространство» и

«места» по своей содержательности тождественны, но на самом деле имеется различие в их сигнификативных критериях. Пространство как таковое является понятием нерегистрируемым, т.е. не имеется возможности определения чётких границ пространства, которое является социальным, и того пространства, которое таковым не является, потому в своей потенциальности любое пространство обладает возможностью стать социальным. Места же социальности в свою очередь относятся ко вполне регистрируемым понятиям, которые имеют некие границы. Если есть участок земли, на территории которого не происходит (и никогда не происходило) реализации практик телесности, то такая территория всегда обладает потенциальной возможностью такой реализации в будущем, в то время как места искусственно созданы для актуальной реализации в них практик телесности. Места как некие входящие в состав пространства элементы присущи ему. И границы мест обусловлены напрямую характером практик, реализуемых внутри этих мест. Такими местами можно назвать, к примеру, государственную думу, рынок или церковь, причём конституирование этих мест осуществляется постольку, поскольку индивидами реализуются совместные практики телесности, являющиеся определяющими для существования этих мест в пространстве.

Пьер Бурдьё весьма продуктивно занимался исследованием социального пространства и выделил несколько неотъемлемых атрибутов этого пространства, потому имеет место рассмотрение этих атрибутов и их корреляцию с нашим видением условий формирования социального пространства.

Согласно Бурдьё, физическое пространство присваивается социальным в процессе реализации акторами последнего своих совместных практик [3, с. 52]. Включаясь в объективированные социальные отношения и занимая определённое место в физическом пространстве со своими габаритами, происходит процесс проникновения в это физическое пространство объективируемых социальных структур, которые создают условия причастности физического пространства социальным процессам. То есть физическое пространство оказывается вмещающим в себя социальное пространство, но не в том смысле, что физическое является упаковкой или контейнером для социального, которое топологически определяет границы последнего и производит некий процесс складывания, а, скорее, на-

оборот, происходит наложение социального на физическое, его развёртывание на плоскости топографического рельефа.

Также немаловажным фактором, обуславливающим пространственные отношения, является распределение форм капитала, сегментирующего социальное пространство на поля и создающего дистанцию, которая в свою очередь, имеют двоичную динамику, оказываясь либо положительно окрашенной (приближение к желаемому и удаление от не желаемого), либо отрицательно окрашенной (удаление от желаемого и приближение к не желаемому) [3, с. 54]. Стоит отметить как плюсы, так и минусы указанного видения конструирования полей и их зависимости от тех или иных форм капитала. В качестве плюса можно обозначить, что те или иные формы капитала, имеющиеся в достаточном наличии, позволяют не просто присваивать себе пространство, но и находиться присваивающему субъекту сразу в нескольких местах одновременно, удваивая или утраивая (умножая) своё присутствие в пространстве. Здесь раскрывается некая множественная репрезентация субъекта или же осуществление множественной референции к субъекту [7, с. 14]. В качестве минуса можно обозначить момент, что поля конституируются в пространстве исключительно из-за неравного распределения в них тех или иных форм капитала, в то время как куда важнее для конституирования границ того или иного локального места, поля, мезопространства характер совместных телесных практик, реализующихся на его территории, что будет подробнее показано далее.

Стоит также упомянуть о том, что в процессе конструирования того или иного пространства неизбежно участвуют материальные объекты, включенные в процесс социальных отношений. Мы здесь не намерены подробно останавливаться на некоторых весьма важных аспектах этих объектов (например, того, что объекту при переходе из категории материального в категорию социального неизбежно должен быть присвоен статус собственности субъекта, включающего его в эти отношения [3, с. 50]), так как для этого потребуются отдельное и более исчерпывающее исследование для выяснения обстоятельств последнего, однако стоит отметить, что раз речь идёт о процессе формирования границ социального пространства, материальные объекты принимают здесь однозначно активное участие, связанное со степенью допустимости использования последних в контексте со-

циальных отношений. Но, в итоге, самым важным для исследования будет констатация того наблюдения, которое наглядно продемонстрировал Ром Харре в своём исследовании, что включённость материального объекта в контекст социальных отношений реализуется исключительно посредством практической (поступок, жест) или же символической (нарратив, артикуляция) деятельности субъекта социальной реальности, т.е. индивида [10, с. 118-134]. Короче, материальные объекты, включённые в процесс конструирования социального пространства, оказываются вовлечёнными в этот процесс совместными практиками индивидов.

Возвращаясь к вопросу об основных атрибутах социального бытия, стоит более подробно остановиться на рассмотрении тела, в частности совместных телесных практиках и телесных взаимодействиях вообще. Тело является носителем культурного опыта, техник и практик. Но носителем такого опыта оно становится лишь после процессов присвоения и приобретения в процессе взаимодействия. Любая функция, то есть роль, которую выполняет элемент в данной структуре, должна из интерпсихической перейти в категорию интрапсихической [4, с. 145], то есть первичным является процесс интериоризации опыта и лишь затем последующая его экстернализация. Культурный опыт, различные виды техник и практик как бы впечатываются в тело индивида в результате взаимопроникновения его тела и места, в котором оно функционирует. Часто показательным моментом наличия такого опыта выступают индикаторы (шрамы и ранения [9, с. 14], знаки отличия, полученные индивидом в качестве результата успешного внедрения в себя техник и практик того или иного места). Ричард Сеннет, исследователь социального отношения в рамках городской среды, наглядно продемонстрировал, как военное ранение, в частности ампутированная рука его друга, при просмотре фильма о военных действиях заставляет его чувствовать себя гордо и уверенно, словно в своей тарелке, давая тем самым другим понимание наличия у себя тех практик и техник взаимодействия, происходящих в том месте, делая его бесспорно знающим специалистом происходящего на экране и чуть ли не единственным, кто понимает истинную суть происходящего, позволяя, таким образом, чувствовать себя ценным и значимым. В свою очередь, мимо проходящие люди, которые увидели травму и ужаснулись, обошли его стороной или отвели взгляд, как далее объясняет Сеннет,

восприняли не ужас травмы как таковой, а травму как некий знак, указывающий им на наделённость тела этого индивида таким культурным опытом (и также сопровождающих этот опыт такими ощущениями), который является абсолютно чуждым для прохожих. Из последнего сказанного явно вытекает неизбежно присутствующая знаково-символическая активность, инкорпорированная в процессы телесных взаимодействий. Такая активность в виде знаков (или индикаторов) будет выполнять функцию репрезентации результата процессов производства телесных взаимодействий. Репрезентация, как некая демонстрация, то есть конкретная двигательная активность, выполняющая проекцию вовне, в микропространство всего того впечатанного в тело опыта, техник и практик, осуществляется с целью признания тебя другими. Вообще другой как категория социального бытия – неотъемлемая часть самоотождествления, отделения себя от «не-себя». Способность к отождествлению и различению имманентно присуща опыту взаимодействия с другим, взаимопроникновения своего микропространства и микропространства другого. Под микропространством понимается не только топологическая поверхность тела, способная вступать в межличностные отношения преимущественно при помощи телесных взаимодействий, но и весь спектр сенсорного опыта, например визуального регистрирования окружающих объектов, который (опыт) тело может реализовать.

В этом взаимопроникновении развёртывается некая повсеместная диффузность микропространств (то есть способность тела на реализацию телесного взаимодействия), которая в конкретном виде проявляется в совместности. Совместность является потенциальной возможностью взаимопроникновения любого микропространства в любое другое при условии способности микропространства на реализацию практик взаимодействия. Посредником уже сказанной повсеместной диффузности микропространств (межличностных телесных отношений) могут выступать места социальности, или мезопространства. Под мезопространством, или местами социальности, как говорилось выше, понимаются искусственно созданные топологические территориальности, в границах которых совершается телесное взаимодействие индивидов и реализуется актуальная совместность их существования. «Мезо-» пространство оно по тому, что с одной стороны, является промежуточным

звеном в иерархии между микро- и макро- пространствами, с другой стороны, считается промежуточным местом между режимами потенциальной и актуальной совместности существования.

Удобство использования термина микропространство для описания процесса реализации практической деятельности как некоего символического расширения телесности в сравнении с термином проксемика заключается в том, что последний предполагает состояние такого отношения к окружающим его телам (как динамическим, так и статическим системам), при котором всегда остаётся актуальным вопрос сохранения дистанции. То есть дистанция (какой бы она ни была минимальной, но главное, чтоб присутствовала) обуславливает некое состояние комфорта индивида, предотвращая тем самым выведение его из некоего стабильного состояния. То есть разрушение, или преодоление, минимальной дистанции предполагает неизбежно следующий дискомфорт и неудовлетворение. С последним крайне непросто согласиться, потому как упомянутое раньше состояние взаимопроникновения и диффузности предполагает само собой разумеющимся устранение дистанции между двумя или более динамическими системами (или, чтобы не возникало ощущения неясности от слова «система» как некоего статичного модуля, сборками). Визуально регистрируемое тактильное взаимодействие далеко не во всех случаях оказывается неудовлетворительным. Это прекрасно продемонстрировал Канетти в своём исследовании механизмов, провоцирующих индивидов создавать массу высокой плотности с целью покрытия и перекрытия всей поверхности своего тела от визуально не регистрируемых тактильных взаимодействий с чуждым. Некое производство предельной степени присутствия. В такой предельной степени плотности и/или [отсутствия предлога] присутствия, будь то другие индивиды [5], предметы интереса или мебели [2], происходит компенсация страха ужасающей пустоты и отчуждения, именно отсутствия от протяженности и плотности вещей, которое само по себе переживается как страх. Нельзя сказать, что термин микропространство более удовлетворительный, но в данной оппозиции он оказывается менее неудовлетворительным.

В качестве ещё одного достаточно значительного отличия макропространства социального бытия от мест социальности можно отметить бинарную оппозицию динамичности и статичности. Ма-

кропространство всегда находится в процессе бесконечной трансформации своих границ (в этом основная сложность регистрации содержательной части понятия), включения и выключения тех или иных мест социальности в свои границы. В свою очередь места социальности обладают достаточно высоким уровнем статичности своей геолокации. Границы мест, в которых происходит взаимодействие тел индивидов, достаточно устойчивы и имеют статичный характер. Макропространство выступает в данном случае как экспликация, как вместилище всех мезо- и микро- пространственных топологем, входящих в состав этого макропространства.

В местах социальности, или, если можно их так назвать, мезопространствах, происходит процесс трансформации телесности.

Отличительной особенностью мезопространства является неизбежно происходящий внутри его границ с каждым индивидом процесс инициации. От успешности или не успешности процессов инициации зависит последующий процесс трансформации тела, а точнее включения в него набора техник и практик. И именно трансформации, потому как этот процесс не только обогащает и присваивает индивиду техники и практики, которыми ранее он не обладал, то есть просто приплюсовывает к предыдущему набору нечто новое, но и оказывает при присвоении диффузное, взаимопроницающее воздействие на все ранее приобретённые техники и практики, трансформируя всю проектно-деятельностную модель телесности. Под проектно-деятельностной моделью телесности понимается суммированный набор тех свойств и признаков, которые оказываются включёнными в эту модель по мере актуального взаимодействия с общественными формациями. И речь именно о модели, а не о структуре, так как она (модель) взята в рассмотрение с чего-то нечто предметного, называемого телесностью, под которой понимается система отношений между телом как таковым, как потенциции к реализации двигательной активности, и искусственными средствами семиотизации. В этом, отчасти, как кажется, социально развёртывается высказывание Ницше о том, что «что не убивает меня, то делает меня сильнее» [6, с. 14]. Любой успешно пройденный процесс инициации, сопровождающийся депривациями, внутренним напряжением, дисбалансом, дисфункциональностью, способствует, во-первых, приобретению новых техник, обусловленных пре-

делами того места, в рамках которого происходит сам процесс, и, во-вторых, закреплением того депривационного опыта, сопровождающего весь процесс, позволяющего более регулятивно воспринимать его при повторении. С этой точки зрения получается, что референция происходит уже не как простая трансформация, т.е. нейтральный процесс преобразования и изменения модели или структуры, а трансфигурация, т.е. преобразование как некое положительное развитие. Такое направление мысли рождает образ индивида с инкорпорированными в его состав практиками как некую сборку, которая носит принципиально временный характер. Здесь осуществляется процесс присваивания себе культуры, впечатывание в своё тело её опыта. Понятая таким образом телесность не знает пределов и границ. Трансгрессия – её естественное состояние. Состояние нахождения в вечном становлении, в процессе непрерывного и бесконечного взаимопроникновения.

Итак, из всего вышесказанного становится ясно, что наиболее часто фигурирующей причиной конструирования границ того или иного пространства оказываются взаимопроникающие совместные практики, или совместность, и, для того, чтобы удостовериться в истинности этого замечания, стоит более подробно остановиться на рассмотрении этой категории социального бытия и того, как она формирует социальные отношения.

Совместность существования предполагает нахождение индивида в пространстве непосредственного и постоянного взаимодействия с себе подобными. Сама этимология слова «совместность» предполагает, во-первых, «со» как со-положение, со-общение, со-существование, со-действие, т.е. конкретная реализация практики и деятельности с кем-то помимо себя; во-вторых, «в» как включенность, в-хождение, т.е. нахождение в каком-то конкретном месте, в границах того места, где реализуются данные практики и деятельность с кем-то помимо себя (то есть на вопрос «где?» или «в каком месте?», в ответе предлог «в» осуществляет указательную функцию на конкретное место пространства); в-третьих, собственно «местность» как конкретное отношение территории и земли, т.е. то самое «место», в котором происходит реализация практик со-действия с себе подобными, с другими.

Совместность Хайдеггером понимается не как данность, а как производимость оппозициями вертикальных ие-

рархий: Земля и Небо, Боги и смертные [12]. В производимости совместности и пространства осуществляется реализация категории простираемости в смысле открытости человека к обитанию и снятия границ и преград. Открытость обитаемого пространства является динамически присущим аспектом конструирования совместности. То есть не структура, а процесс – это принципиально важно. Совместность – местность, в которой проходит процесс развёртывания взаимного обитания объектов, оказывающих непосредственное воздействие друг на друга. И таким же объектом, с этой точки зрения, оказывается и человек. Существование последнего конституируется в совместном взаимодействии с объектами обитаемой или занимаемой местности, делая индивида причастным процессам совместного конструирования как генерирующему принципу.

Основной потребностью Нанси совершить пересмотр предложенного Хайдеггером понимания совместности было переосмысление позиции человека не как причастного процессам конструирования, но как активного их участника [11, с. 96]. Бытие совместно (не в смысле Бытия совместности, а в смысле Совместности бытия) – вот основная посылка социальной онтологии у Нанси. Смысл, коммуникация и, в конечном счёте, сама философия, реализуются в совместности. Совместность является модальностью философского вопрошания. Философия подходит к своему пределу, и в связи с этим бытие перестаёт быть тождественным самому себе. Сообщество лишается возможности самокоммуницируемости смысла, наступает состояние неприсваиваемости истины. Но даже к этому пределу мы подходим совместно. Логика совместности – это логика внутренне-внешнего (взаимопроникающее отношение между матерью и ребёнком: мать, как и ребёнок, стремясь реализовать свою любовь к другому внутри него, остаются при этом внешним по отношению к нему). Как проём в стене архитектурного сооружения – способ связать внутреннее и внешнее пространство. Совместность предполагает промежуточную приостановленность, момент потенциальной открытости или обращённости другому даже в момент актуального отсутствия последнего. Совместность не является пребыванием «лицом-к-лицу», она существует до момента идентификации, но является потенциальным полем для реализации последнего. Уже совместность, но ещё не совместимость. Существование есть отношение обращённости к друго-

му. Смысл бытия конституируется в обращённости к внешнему, в самой возможности быть обращённым к внешнему к другому, и реализация такой обращённости осуществляется в со-в-местности с внешним, с другим, взаимопроникновении с другим, вместе с внешним внутрь общего целого. Логика внутренне-внешнего.

Но, как сказано выше, такая совместность происходит до любой идентификации, до существования «лицом-к-лицу», до полной совместимости, коей не хватает для реализации практик взаимодействия (совместной практической и символической активности), характер которой конституирует те или иные места социальности.

Переход от совместности как потенциального поля, образующей принудительную или вынужденную топологическую среду совместного обитания, к совместности как актуально и обоюдно признанному существованию с другим осуществляется посредством процесса идентификации, манифестирующего единство персональной и социальной реальности. Процесс идентификации становится возможным через, как это назвал Рикер на примере «Обретённого времени» Пруста, узнавание/признание в репрезентации уже ранее воспринимаемого [8, с. 67]. В повторении, в возвращении ранее воспринимаемого конституируется в своей темпоральности регистрация различий, короче, способность индивида к отождествлению и различению. Затем идентификация как присвоенная индивидом способность нести ответственность за реализацию своей собственной деятельности превращается в практику, в репрезентацию как запрос на осуществление социальной связи. Репрезентация вообще выражается наличием цели по установлению социальных связей и соответствующих им модальностям идентичности [8, с. 130]. И далее, переводя узнавание/признание в контекст социального, в практики взаимодействия, или, как их называет сам Рикер, коллективные репрезентации, признание переходит в категорию взаимного или обоюдного признания, что является, на наш взгляд, одной из основных характеристик совместности, непосредственно оказывающих влияние на конструирование тех или иных условий социального пространства.

Подытоживая всё вышесказанное о совместности как категории бытия, стоит добавить, что совместность развёртывается как объединённая (и, что немало важно, легитимизированная) реализация двигательной активности в конкретном месте пространства, т.е. совер-

шение разнонаправленных практик взаимодействия несколькими индивидами на той или иной территории. Под разнонаправленностью действий предполагается обусловленность реализуемых телесных практик индивидуальными интересами. Примером такой обусловленности может выступать общественный транспорт, в котором индивиды, вынужденные определёнными обстоятельствами на совместность реализуемых практик, всё же имеют намерение действовать каждый со своими индивидуальными телеологическими установками и требованиями. Но такая совместность ещё не предполагает практик, обусловленных более общей заданностью, которые реализуются индивидами при определённых обстоятельствах. Отсюда следует, что совместность деятельности – результат вынужденного общественного производства социальности, который, как оказывается, не гарантирует индивиду основную категорию его существования (или признания), а именно совместности, в которой обусловленность общей заданностью становится возможной. Ведь существовать, в социальном смысле, значит быть воспринимаемым другим, т.е. не просто вынужденным находиться, но быть признанным или совместимым с себе подобным, с другим. Именно через другого, через его идентифицирование со мной, с моей реализованной телесной практикой вовне манифестируется признание меня этим другим, и, следовательно, моё существование, проявляющее, тем самым, потребность в совместности существования, в котором само существование и фундируется. Именно на это указывает Агамбен, говоря о лишении человека в современном обществе возможности в персонификации и идентифицировании с другими из-за внедрения в социальную жизнь таких способов контроля, как биометрия (отпечатков пальцев, сетчатки глаза), проявляющаяся в уникальности биологического кода каждого индивида, создавая тем самым затруднение перед социальной приобщённостью и переводя его в категорию отчуждённого биологического материала, лишённого возможности персонифицироваться [1, с. 83].

В заключение можно сказать, что, по сути, совместность, или лучше сказать совместимость, является основной топологической категорией социальной реальности, которая вмещает в себя практики телесного и символического взаимодействия, образующие последующую репрезентацию как модальность запроса на социальную связь и дальнейшую идентификацию.

Список литературы

1. Агамбен Д. Нагота. Идентичность без личности. – М.: Grundrisse, 2014. – 204 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 172 с.
3. Бурдье П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений. – М. Педагогика, 1983. – Т. 3, 1987. – 341 с.
5. Канетти Э. Масса и власть. – М.: Астрель, 2012. – 576 с.
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений, Т. 6. – М.: Культурная революция, 2009. – 408 с.
7. Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.
8. Рикер П. Путь признания. – М.: РОС-СПЭН, 2010. – 268 с.
9. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. – М.: Strelka Press, 2016. – 504 с.
10. Социология вещей. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с.
11. Философия Мартина Хайдеггера и современность / Под ред. Ж.Л. Нанси. О событии. – М.: Наука, 1991. – С. 91-102.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2011. – 460 с.